

никовъ до тѣхъ предѣловъ, до которыхъ они могутъ дойти, а не задерживать ихъ ради слабыхъ, а они, лучшіе ученики, — самые нужные. Только при свободѣ можно избѣжать обычнаго явленія: вызыванія отвращенія къ предметамъ, которые, если бы ихъ преподавать въ свое время и свободно, были бы любимы; только при свободѣ возможно узнать, къ какой спеціальности какой ученикъ имѣетъ склонность, только свобода не нарушаетъ воспитательнаго вліянія. А то я буду говорить ученику, что не надо въ жизни насилія, а надъ нимъ будутъ совершать самое тяжелое, — умственное насиліе. Знаю я, что это трудно, но что же дѣлать, когда поймешь, что всякое отступленіе отъ свободы губительно для самаго дѣла образованія. Да и не такъ трудно, когда твердо рѣшишься, не дѣлать глупаго. Я думаю, что надо такъ: А) отъ 2 до 3 дается урокъ математики, т.-е. ученія тому, что хочеть знать ученикъ въ этой области; В) отъ 3 до 5 рисованіе и т. д. Вы скажете: а самые маленькіе? — Самые маленькіе, если ведутся правильно, сами всегда просятъ и любятъ аккуратность, т.-е. подчиняются гипнозу подражанія: вчера былъ послѣ обѣда урокъ, и нынче онъ послѣ обѣда желаетъ урока...

«Вообще, грубо представляется мнѣ распредѣленіе времени и предметовъ такъ: всѣхъ часовъ бдѣнія 16. Половину изъ нихъ полагаю съ перемежками отдыха, игры (чѣмъ моложе, тѣмъ длиннѣе) на воспитаніе въ тѣсномъ смыслѣ — просвѣщеніе, т.-е. на работу для себя и другихъ: чистить, носить, варить, рубить и т. п.

«Другую половину отдаю ученію. Предоставляю ему избирать изъ 7 предметовъ то, къ чему его тянетъ.

«Все это, какъ видите, написано кое-какъ. Я буду еще, если Богъ велитъ, перерабатывать это...

«Мнѣ еще хочется добавить то, что я бы не совѣтовалъ ничего затѣвать новаго, какъ переѣздъ на другое мѣсто или какое-либо теоретическое предопредѣленіе того, какая должна быть школа, не совѣтовалъ бы и приглашать ни учите-